

ТРАДИЦИОННЫЕ ВЛАСТИ И КОЛОНИАЛЬНЫЕ ВОЖДЫ В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ

[к вопросу о терминологии и типологии]

Вожди занимали важное место в африканских обществах эпохи колониализма, заметную роль они играют в Африке и сегодня. Поэтому проблема места и роли африканских вождей в прошлом и настоящем издавна привлекает внимание ученых¹. Ныне, когда история Африки все больше рассматривается в контексте всемирной истории, ясно, что корни сегодняшнего положения африканской знати в значительной степени лежат в колониальном прошлом, которое тесно увязало эволюцию африканских народов с процессами, происходившими в капиталистическом мире. В советской исторической науке принята концепция колониального общества как особого этапа в формационном развитии стран Азии и Африки, для которого характерен синтез местных и привнесенных европейским колониализмом элементов, их «компромиссная структурно-функциональная сочлененность, сцепление и взаимодействие»².

Именно концепция колониального синтеза, на мой взгляд, дает ключ к пониманию места и роли африканских вождей в прошлом и настоящем, в частности к узловому аспекту проблемы — степени преемственности между доколониальными и колониальными вождями (такой аспект часто сводится к вопросу о различии между «прямым» и «косвенным» управлением). По этому поводу в последние годы высказываются крайне противоположные точки зрения: ряд авторов подчеркивают эту преемственность³, другие, наоборот, всячески ее отрицают, называя «не более чем счастливым и удобным заблуждением»⁴.

Если рассматривать институт колониальных вождей как один из результатов колониального синтеза, то прежде всего следует представить себе, каковы были в каждом конкретном случае его традиционные элементы. И тут необходимо избавиться от терминологической путаницы, осложняющей подход к проблеме.

Об этой путанице Н. Б. Кочакова пишет: «При попытке ответить на вопрос о традициях и основных этапах развития этого института (вождей.— А. Б.) первая трудность, как это ни парадоксально звучит, определение самого понятия — вождь. В 1968 г. в Нигерии, на Международном конгрессе, посвященном институту вождей в Западной Африке, отмечалось, что термин „вождь“ (chief), употребляемый в научной литературе, не имеет эквивалента в местных языках. В современной научной и общественно-политической литературе употребляется также термин „традиционный правитель“ (Traditional Ruler), но и он, строго говоря, не адекватен понятию „местный лидер“. Эти термины не являются взаимозаменяемыми, не существует также единодушия в том, как они соотносятся друг с другом»⁵.

Точно такая же ситуация сложилась с соответствующей терминологией и применительно к Восточной Африке. И признавая правоту А. И. Першица, напомнившего недавно, что «о терминах не спорят, а

¹ Историкографию проблемы см., например, во введениях к книгам: *Зотова Ю. Н. Традиционные политические институты Нигерии. Первая половина XX в.* М., 1979; *Балезин А. С. Африканские правители и вожди в Уганде (эволюция традиционных властей в условиях колониализма. 1862—1962).* М., 1986.

² Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984. С. 8.

³ См., например: *Ajayi J. F. A. The Continuity of African Institutions under Colonialism//Emerging Themes in African History.* L., 1968.

⁴ См., например: *Gartrell B. British Administrators, Colonial Chiefs and the Comfort of Tradition: an Example from Uganda//African Studies Review.* 1983. V. 26. № 1. P. 1.

⁵ *Кочакова Н. Б. Эволюция традиционных политических структур Нигерии в колониальный период//Народы Азии и Африки.* 1982. № 2. С. 36.

уславливаются»⁶, приходится констатировать, что, видимо, настала пора условиться и о термине «вожди».

Можно согласиться с термином «колониальные вожди», употребляя его как синоним термина «туземные власти», пришедшего из литературы колониальных времен. В английских колониях Тропической Африки понятие «туземные власти» распространялось на широкий круг лиц, входивших в систему «туземной администрации», которая была в значительной степени унифицирована по структуре, функциям и принципам формирования. Однако применять термин «вожди» ко всем «местным лидерам» доколониальных африканских обществ вряд ли возможно.

В русском языке издавна стало привычным словосочетание «вождь племени». В научной же литературе последних лет все чаще выражается точка зрения, что хотя от категории «племени» отказываться не приходится, она «принципиально не может целиком соответствовать облику того или иного из конкретных общественных организмов, доступных непосредственному наблюдению в наши дни»⁷. А в недавней дискуссии об этнических общностях на страницах «Советской этнографии» Ю. И. Семенов писал: «...классическое позднее племя не представляет не только универсального, но и вообще сколько-нибудь широко распространенного явления. В эпоху предклассового общества вождества и самостоятельные практические общины, каждая из которых является социальным организмом, встречаются чаще»⁸.

Действительно, в советской науке постепенно утверждается термин «вождество», или «чифдом» (нельзя не согласиться с Л. Е. Куббелем, считающим более предпочтительным употребление русского перевода, а не транслитерации английского слова⁹). Что же понимается под этим термином, непосредственно связанным с термином «вождь»? Л. Е. Куббель пишет, что вождество — «промежуточный этап от общества чисто родового к собственно государственной организации»¹⁰. Л. С. Васильев, считая «чифдом» универсальным феноменом, пишет, что это «основанная на нормах генеалогического родства, знакомящая с социальным и имущественным неравенством, разделением труда и обменом деятельностью и возглавляемая сакрализованным лидером политическая структура, главной функцией которой является административно-экономическая, отражающая объективные потребности усложняющегося коллектива». Говоря о вожде-правителе как «центре экономической структуры» вождества, он подчеркивает, что «хотя здесь уже не приходится говорить о равенстве, важно не впадать и в противоположную крайность: мы имеем дело еще не с эксплуатацией, а с разделением труда и функций между управителями и управляемыми»¹¹. Другими словами, власть вождя в вождестве еще не носит чисто политического характера.

Н. Б. Кочакова, отдавая должное разработке понятия «вождество» в советской и зарубежной науке, в частности исследованиям Л. С. Васильева, отмечает, что «все же с понятием „чифдом“ не все ясно, нет единодушия в том, какое место занимает этот институт в цепи потестарно-политических структур доклассовых и раннеклассовых обществ». Она же подчеркивает сложность выявления грани между вождеством и ранним государством¹².

Итак, строго говоря, применительно к доколониальным африканским обществам термин «вождь» связан с определенной стадией эволюции потестарно-политических структур. Именно в этом смысле, видимо, и

⁶ Першиц А. И. Этнические общности и формационный процесс//СЭ. 1986. № 3. С. 70.

⁷ Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 8.

⁸ Семенов Ю. И. О племени, народности и нации//СЭ. 1986. № 3. С. 74.

⁹ Куббель Л. Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества//Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. С. 130 (примеч.)

¹⁰ Куббель Л. Е. Указ. раб. С. 130.

¹¹ Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983. С. 32, 39, 40.

¹² Кочакова Н. Б. Рождение африканской цивилизации (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея). М., 1986. С. 14.

правомерно употребление термина «традиционные вожди». Таким образом, понятие «традиционные вожди» значительно уже понятия «традиционные местные лидеры». Объединить же всех «местных лидеров» доколониальных африканских обществ наилучшим образом, как представляется, может термин «традиционные власти», уже нашедший распространение в отечественной африканистике. К этим последним можно отнести и весь административный штат государственных образований, переросших стадию вожеств, и верхушку общинно-родовых структур, до этой стадии еще не доросших.

Обратимся к конкретному материалу Восточной Африки. Здесь одним из темных местных эквивалентов термину «традиционный вождь», по-видимому, можно считать слово «мутеми» (мн. ч. — «нтеми») в западно-центральной области континентальной Танзании, нередко называемой областью «нтеми». Примерами вожеств, видимо, следует считать «империи» ньямвези и хехе, которые В. Е. Овчинников называет «раннеполитическими образованиями». «Нтеми, — пишет он, — начинали сочетать административные функции с ритуальными»¹³. Объединения ньямвези и хехе — типичные примеры вожеств, которые Л. С. Васильев называет вторичными, т. е. образованными под воздействием внешних факторов¹⁴. Очевидно, то же самое можно сказать и об «империи» шангаа, правитель которой носил титул «Симбамвене» (царь-лев). Конечно, более точная разработка понятия «вождество» и его отличий от раннего государства повлечет за собой и более определенное разграничение «местных лидеров» между категориями «вождь» и «правитель раннего государства». Этому будут способствовать также дальнейшие конкретные исследования ряда народов региона (неясно, в частности, обстоит дело с образованиями типа Карагве в западно-озерной области континентальной Танзании). Но важно одно — к категории «традиционные вожди» в Восточной Африке можно отнести не так уж много «местных лидеров». Что касается Кении, то И. И. Филатова в своем обобщающем труде по истории этой страны подчеркивает: «В доколониальные годы ни у одного из народов внутренних районов Кении не существовало никаких вождей, тем более верховных»¹⁵, т. е. объединения, пути становления которых она рассматривает, по ее мнению, не доросли еще до стадии вожеств. На территории современной Уганды к концу доколониального периода вожества обнаружить также трудно, ибо самый развитый из безгосударственных народов — алуры¹⁶ еще не дошел до этой стадии, а объединения басога (если рассматривать их с точки зрения признаков, по которым определяется раннее государство¹⁷) были скорее всего зародышевыми раннегосударственными объединениями.

Восточная Африка — один из относительно давних очагов государственности на африканском континенте. Государственные образования Межозерья и океанского побережья с островами к концу прошлого века имели уже длительную историю. Однако в регионе мы имеем дело с разными степенями развития государственности, ведь даже в раннем государстве исследователи выделяют три вида: зародышевое, типичное и переходное¹⁸. Кроме того, становление государственности в зоне суахильской цивилизации шло иными путями, чем в Межозерье, и Занзибарский султанат уже вряд ли можно назвать ранним государством. Тем не менее даже в раннем государстве, где, как отмечает Г. С. Киселев применительно к Тропической Африке, «специфика формирования классового общества, в частности вопрос о соотношении там классов и политогенеза, остаются в целом открытыми», государственный аппарат становится орудием осуществления «отношений угнетения (принуждения)», которые

¹³ Овчинников В. Е. История Танзании в новое и новейшее время. М., 1986. С. 77—78.

¹⁴ Васильев Л. С. Указ. раб. С. 32.

¹⁵ Филатова И. И. История Кении в новое и новейшее время. М., 1985. С. 133.

¹⁶ См. Община в Африке: проблемы типологии. М., 1978. С. 177.

¹⁷ См. Васильев Л. С. Указ. раб. С. 40—57; Кочакова Н. Б. Рождение африканской цивилизации. С. 14—16.

¹⁸ Там же. С. 16.

были базой для вызревания собственно эксплуататорских отношений¹⁹. (Л. С. Васильев в своей концепции раннего государства называет такие отношения государственным способом производства²⁰.) В Восточной Африке государственный аппарат был представлен целыми иерархиями традиционных властей — от верховных правителей (кабака, омукама, омугабе, омвами в Межозерье, имам (султан) в Занзибарском султанате) до региональных и низовых администраторов — батонголе или бакунгу в Межозерье, ливали и акида в султанате. В ряде случаев государственный аппарат включал еще и многочисленных придворных с более или менее дифференцированными функциями. Все эти «местные лидеры» представляли собой относительно замкнутые господствующие социальные группы, причем в ряде случаев складывающиеся классовые отношения переплетались с кастовыми (как, например, в Нкоре или Карагве). «Местных лидеров» этого типа, конечно, никак нельзя назвать вождями (часто это делалось по отношению к администраторам тех или иных рангов, верховных же правителей чаще именовали «королями» или «царями», что также представляется неверным). Здесь, как мне кажется, наиболее целесообразно использовать местные титулы. Самое же главное, рассматривая традиционные власти государственных образований как исходный материал для колониального синтеза, следует иметь в виду не только верховных правителей, а весь государственный аппарат сверху донизу, который мог функционировать только «в целостной системе совокупной деятельности, главной функцией которой было поддержание всеобщей социальной связи, т. е. в итоге воспроизводство общества»²¹.

Самой распространенной в регионе группой традиционных властей были старейшины различных общинно-родовых и территориально-родовых структур, власть которых носила потестарный характер. Община была представлена целой гамой переходных форм от родовой к соседской²² и с децентрализацией рода могла быть низшей территориально-родовой ячейкой в рамках более крупных подразделений. Как отмечает Д. А. Ольдерогге, «при многоступенчатости подразделений рода или племени приходится считаться с тем, что далеко не всегда легко установить, какое из этих подразделений считается родом»²³. Поэтому в нашей африканистике вместо категории «род» неизбежно приходится оперировать категориями «клан», «подклан», «сегментно-линейная группа» и пр.

Большое значение у ряда народов региона имела также система возрастных классов, где, по выражению В. В. Бочарова, «носителями авторитета были лидеры возрастных группирований, избираемые их членами с предоставленным им права руководства деятельностью группы»²⁴.

В потестарных структурах исследователи выделяют также «конический клан» как ступеньку к формированию вождеств. Характерным примером такой структуры Л. Е. Куббель считает алуоров Уганды²⁵. Помимо руота у алуоров к традиционным властям, представляющим «конический клан», в регионе можно, видимо, отнести, в частности, оркойотов у народов группы календжин Кении и лайбонов у масаев Кении и Танзании. Примеры традиционных властей вышеназванных потестарных структур региона заняли бы слишком много места. Важнее, однако, то общее, что их объединяет, — потестарный характер власти. Характеризуя его, Л. С. Васильев пишет: «Власть общинного и даже надобщинного лидера-старейшины — это так называемая власть положения. Она еще не основана на принуждении или на собственности... важнейшая функция

¹⁹ Киселев Г. С. Доколониальная Африка: формирование классового общества (состояние проблемы и перспективы ее разработки). М., 1985. С. 47, 81.

²⁰ Васильев Л. С. Указ. раб. С. 56.

²¹ Киселев Г. С. Указ. раб. С. 124.

²² См. Община в Африке: проблемы типологии. С. 158—182.

²³ Ольдерогге Д. А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин//Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С. 8.

²⁴ Бочаров В. В. Трансформация традиционной власти и управления в колониальных обществах Восточной Африки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983. С. 12.

²⁵ Куббель Л. Е. Указ. раб. С. 130.

такой власти — контроль над ресурсами и регулирование пользования ими». Он же отмечает, что чаще всего такая власть носила сакральный характер²⁶ — именно так было у оркойотов и лайбонов.

Часто носителей традиционной власти в рассматриваемых потестарных структурах также называют вождями, что совершенно неверно. Видимо, в этом случае также предпочтительно использование местной титулатуры. С другой стороны, назрел вопрос и о типологии этой большой группы местных лидеров — скажем, институт руота, одинаковый по титулатуре у ланго, алуоров и ачоли, имел не вполне одинаковое социальное содержание²⁷.

К тому же не следует забывать, что старейшины общинно-родовых структур существовали и в вождествах, и в ранних государствах, инкорпорировавших эти структуры. Однако характер власти этих «местных лидеров» в вождествах и государствах был принципиально иным, их следует рассматривать в совокупности соответствующей потестарно-политической системы.

Таким образом, пример Восточной Африки показывает, что понятие «традиционные власти» в доколониальных африканских обществах включает в себя широкий спектр носителей потестарной или потестарно-политической власти. Термин «традиционные вожди», строго говоря, можно отнести лишь к небольшой их части, связанной с вождествами, характерные черты которых, отличающие их от ранних государств, в нашей науке только разрабатываются.

С другой стороны, назрела необходимость разработки типологии традиционных властей — выделенные здесь три их группы могут рассматриваться лишь как самая начальная попытка дифференциации, без которой анализ их эволюции в колониальном обществе вряд ли возможен. При разработке такой типологии следует учитывать как формационную сущность соответствующих обществ, так и социально-психологические и социокультурные факторы, связанные с властью и управлением. Плодотворным в этом смысле является предложенное Л. Е. Куббелем введение в советскую африканистику понятия «потестарно-политическая культура»²⁸, а также подход В. В. Бочарова, рассматривающего доколониальные и колониальные общества Восточной Африки в русле теории социального управления и уделяющего большое внимание его субъективной стороне²⁹. Пока же такая типология не разработана, внутри каждой из выделенных групп предпочтительным представляется использование местной титулатуры. Это важно потому, что, как уже говорилось, каждая из выделенных групп традиционных властей далеко не однородна.

Еще одно соображение. Для рассмотрения эволюции традиционных властей в колониальном обществе, учитывая, что, как подчеркивают советские востоковеды, «традиционное» и «современное» являются конкретно-историческими понятиями³⁰, следует не только рассматривать традиционные власти максимально конкретно, но и иметь определенную точку отсчета. Такая точка отсчета в рамках восточноафриканского региона неизбежно будет некоторой абстракцией, ибо время контактов с внешним миром, в частности с европейским колониализмом, было различным (а для внутренних районов побережья в доколониальный период было частью внешнего мира). К тому же эволюция традиционных властей, особенно интенсивная именно в XIX в., проходила в разных частях Восточной Африки по-разному. И все же, коль скоро такая точка отсчета необходима, то за нее, видимо, наиболее удобно принять традиционные власти в том виде, в котором они функционировали накануне раздела Восточной Африки — в начале последней трети XIX в.

²⁶ Васильев Л. С. Указ. раб. С. 29—30.

²⁷ См. Община в Африке: проблемы типологии. С. 176—177.

²⁸ Куббель Л. Е. Потестарно-политическая культура докапиталистических обществ (к постановке проблемы) // СЭ. 1980. № 1.

²⁹ Бочаров В. В. Указ. раб.

³⁰ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. С. 6.

Колониализм принес африканским народам совершенно новый тип политической организации общества, который должен был способствовать их колониально-капиталистической трансформации. Народы Восточной Африки были включены в границы колониально-зависимых территорий, разделенных новым административно-территориальным делением. Эти внешние и внутренние границы нередко не соответствовали сложившимся этноисторическим рубежам, к тому же они часто пересматривались, а Танганьика после первой мировой войны еще и получила нового колониального хозяина.

Одновременно с новым административно-территориальным делением создавалась и колониальная администрация — «белая» и «туземная», составлявшая единое целое. Британские колонизаторы любили поднимать на щит созданную ими систему «косвенного» управления, в которой они видели сохранение местных институтов власти. Так, например, один из творцов и теоретиков этой системы, Ф. Лугард, разработавший и обобщивший принципы ограничения прерогатив местных правителей (такое мероприятие он провел на практике в Нигерии, по первые шаги в этом направлении предпринял в Уганде еще в начале 1890-х годов), писал, что эти ограничения не являются «вмешательством во власть вождей или социальную организацию народа»³¹. Классическими примерами «косвенного» управления колониальная пропаганда помимо Нигерии называла ряд восточноафриканских территорий — Уганду, Танганьику (после реформ второй половины 1920-х годов) и Занзибар.

Советские ученые издавна подчеркивали, что суть «косвенного» и «прямого» управления одна — они были составной частью аппарата колониального управления и угнетения. Однако если ранее в нашей науке, начиная со С. Р. Смирнова³², рассматривались в основном различия между обеими системами, то в последние годы все чаще высказывается точка зрения, что и по форме они скорее сходны, чем различны³³. Обе они на практике сводились к использованию «туземных вождей» (при ограничении их полномочий), как правило, с оплатой их деятельности как служащих колониальной администрации. В обоих случаях принадлежность лиц, назначаемых вождями, к традиционным властям учитывалась далеко не всегда — зачастую главным критерием была лояльность, иногда — грамотность кандидата³⁴. Важно отметить, что желание или нежелание тех или иных представителей традиционных властей сотрудничать с колонизаторами обуславливалось конкретной ситуацией, а зачастую также непониманием соглашателями-африканцами всей тяжести последствий такого сотрудничества.

Видимо, главное различие между обеими системами управления лежит в степени того качества политической организации колониального общества, которое Л. Е. Куббель называет «антиэтничностью»³⁵. Там, где колониальное административно-территориальное деление не соответствовало сложившимся этническим границам (или где целые этнические общности были лишены своих исконных земель и поселены в резерватах, как в Кении), где колониальный вождь был этнически и институционально чуждым элементом (как, например, баганда для народов севера и северо-востока Уганды), антиэтничность системы «туземных

³¹ *Lugard F. D. The Dual Mandate in British Tropical Africa. Edinburgh, 1965. С. 205.*

³² *Смирнов С. Р. Английская политика «косвенного управления» в Юго-Восточной Нигерии//СЭ. 1950. № 3.*

³³ См., например: *Субботин В. А. Колонии Франции в 1870—1918 гг. Тропическая Африка и острова Индийского океана. М., 1973. С. 337. Предлагаемое Ю. Н. Зотовой понятие «непрямое управление» по сути также указывает скорее на сходство между «прямым» и «косвенным» управлением. См. *Зотова Ю. Н. Указ. раб. С. 143.**

³⁴ См., например: *Гиренко Н. М. Колониальный режим и традиционные социальные институты (на примере Танзании)//СЭ. 1974. С. 59—70; *Филатова И. И. Указ. раб. С. 133—135.**

³⁵ *Куббель Л. Е. Традиционная политическая культура и колониальное общество в странах Африки//Народы Азии и Африки. 1981. № 6. С. 36.*

вождей» достаточно четко проявлялась уже на уровне конкретного этноса. Там же, где «туземная администрация» строилась на основе системы традиционных потестарно-политических институтов (безусловно, при ее модификации), с привлечением представителей традиционных властей соответствующих этносов, где сохранялись в основном этнические границы, антиэтничность политической организации колониального общества проявлялась в большей степени уже на уровне всей колониально-зависимой территории. Этот второй вариант, при котором сохранялись стержневые элементы традиционной потестарно-политической культуры, видимо, и можно назвать «косвенным» управлением. Такой вариант колониального управления можно было применить в относительно «чистом» виде там, где существовали государства или вожества, причем для колонизаторов были более удобны государственные политические институты с их центральным, региональным и местным уровнем управления. Именно здесь можно говорить об определенной преемственности колониальных институтов власти по отношению к традиционным. Там же, где такой иерархии управления не было, ее пришлось создавать — отсюда несколько уровней «туземных» администраций в Танганьике («традиционных блоков», по выражению В. В. Бочарова³⁶) при создании там системы «косвенного» управления³⁷.

Однако даже в межозерных «королевствах» и Запзибарском султанате, где были сохранены институты верховных правителей как олицетворение преемственности системы «туземной администрации» по отношению к традиционным властям (при этом самих носителей власти часто заменяли на более лояльных), у этих правителей были отняты важнейшие прерогативы³⁸. В результате кабака, омукама, омугабе, султан утратили свою роль верховных распорядителей в своих владениях и в их отношениях с внешним миром. Была подорвана и иерархическая система соподчинения носителей различных рангов и титулов и их взаимоотношений с верховным правителем. Все они превратились в «туземных вождей», среди которых верховные правители были просто самыми привилегированными и высокооплачиваемыми. Таким образом, вся система политических институтов государств была перестроена и структурно, и функционально. Следовательно, правителей доколониальных государственных образований, «признанных» колонизаторами, уже никак нельзя называть «традиционными правителями», как нельзя называть «традиционными вождями» административный штат этих государств, который приобрел в системе «туземной администрации» новую структуру и функции.

Тем более нельзя называть «традиционными вождями» представителей потестарных общностей, получивших места на той или иной ступеньке лестницы «туземной администрации». Институты вождей там создавались колонизаторами заново, в силу необходимости. Так, в Кении еще в период колониальных захватов был искусственно создан институт верховных вождей у масаев, гикуйю, луйя³⁹. Необходимость создания иерархии колониальных вождей там, где не было подобных институтов, привела, например, в Кении к введению уже в 1902 г. института «деревенских старейшин», а в 1912 г. там впервые в английских колониях были созданы местные советы вождей⁴⁰.

Функции этих вождей были такими же, как и у вождей на территориях с более развитой традиционной потестарно-политической культурой: сбор налогов, поддержание порядка и спокойствия на вверенных им территориях, решение судебных вопросов. Для большинства (если не

³⁶ Бочаров В. В. Указ. раб. С. 18.

³⁷ См. Карпов В. К. Танганьика под британским мандатом (методы колониального управления)//Тропическая Африка (проблемы истории). М., 1978. С. 170—171.

³⁸ Эта характерная для всех областей «косвенного» управления перестройка функций верховных правителей подробно разбирается в указанных работах Ю. Н. Зоговой и Н. Б. Кочаковой.

³⁹ См. Филатова И. И. Указ. раб. С. 133.

⁴⁰ Nottingham J. The Development of Local Government in Kenya. Mimeo. S. I., s. a. С. 7—10.

для всех) потестарных общностей эти функции, особенно функции политического управления и сбора налогов, были совершенно новыми. Однако если институт вождей был здесь абсолютным новшеством и их никак нельзя назвать «традиционными вождями», это не означает, что можно говорить о полном отсутствии преемственности между традиционными властями и колониальными вождями даже здесь. В корпус колониальных вождей были включены сразу и инкорпорировались впоследствии (в попытках спасти систему «косвенного управления», переживавшую кризис) представители общинно-родовой верхушки. Об этом свидетельствуют, в частности, результаты полевых исследований, проведенных среди ряда народов Уганды и Танганьики, суммированные в книге «Восточноафриканские вожди»⁴¹.

Следует также иметь в виду, что общинная верхушка, регулировавшая жизнь общин и в колониальном обществе, могла официально не включаться в корпус колониальных вождей. Однако она, как и сама община, испытала на себе деформирующее влияние колониализма. Так называемые деревенские старейшины, даже не считаясь официально вождями, становились проводниками политики колониальной администрации на местах. В то же время деревенские старейшины, как правило, в наибольшей степени сохраняли традиционные личностные связи с общинниками и способы рекрутирования. В. В. Бочаров усматривает в этом феномене «дальнейшее развитие тенденции к опережающему развитию высших иерархических уровней социального управления, которая существовала и до колонизации»⁴².

Итак, у всех трех выделенных групп традиционных властей при вхождении их в систему «туземной администрации» менялись основные характеристики этих социальных институтов. У колониальных вождей был другой источник власти (колониальная администрация), другие, в ряде случаев кардинально новые функции, новый уровень и источники доходов. При этом особо следует сказать об эксплуататорской сущности колониальных вождей.

Кроме жалований и пенсий, выплачиваемых в основном из налогов с населения колоний, вожди имели и иные источники дохода. Как отмечают советские ученые, наличие в колониальных обществах товарно-денежных отношений «вызвало немаловажные изменения в системе ценностей и поведенческих стереотипов феодально-племенной верхушки и других имущих слоев местного населения», способствовало «скачкообразному возвышению потребностей этих слоев и усилило их тягу к увеличению своих доходов»⁴³. Однако степень проникновения товарно-денежных отношений в различные территории даже одной колонии была различной, в связи с этим говорят даже о нескольких типах колониальных обществ в рамках одной колонии⁴⁴. Соответственно различными были и источники доходов колониальных вождей.

В Кении, например, в районах исхода рабочей силы одним из важных источников обогащения вождей стали взятки, получаемые от подчиненных африканцев за освобождение от работ на землях белых поселенцев⁴⁵. Повсеместно вожди обогащались в районах возделывания экспортных культур. Здесь особо следует упомянуть о колониально-феодальном укладе в «королевствах» Уганды⁴⁶ и гвоздичных плантациях Занзибара, где значительная часть доходов от земледелия оседала в карманах местной верхушки (конечно, львиную долю получала все же буржуазия метрополии). В других частях Восточноафриканского региона

⁴¹ East African Chiefs/Ed. Richards A. I. L., 1960. P. 260—375.

⁴² Бочаров В. В. Указ. раб. С. 19.

⁴³ Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс. М., 1983. С. 369.

⁴⁴ См., например, Филатова И. И. Указ. раб. С. 206.

⁴⁵ Кулик С. Ф. Африканизация в Кении. Социально-экономические итоги. 1963—1973. М., 1978. С. 17.

⁴⁶ См. Балезин А. С. Трансформация поземельных отношений в Уганде (1900—1939)//Народы Азии и Африки. 1978. № 4. С. 135—145.

товарное земледелие стало также источником обогащения. Особенно наживались нижние звенья «туземной» администрации, которые получили землеустроительные функции. Исследователь из ГДР Ю. Герцог показывает, в частности, как традиционные зачаточные формы угнетения, существовавшие у хайя, чагга и сукума Танганьики, в условиях разведения экспортных культур способствовали превращению колониальных вождей этих народов в эксплуататоров. Так, у чагга уже в начале века появились «деревенские вожди», кофейные плантации которых насчитывали несколько тысяч деревьев, у хайя к 1930-м годам более $\frac{2}{3}$ общинников превратились в арендаторов земель вождей и работали на них, у сукума более половины всего товарного хлопка было продуктом трансформированной традиционной общинной взаимопомощи на землях «деревенских вождей»⁴⁷.

Таким образом, колониальные вожди — не просто совокупность чиновников африканской администрации, а целые социальные слои, на первых порах представлявшие практически исключительно африканскую элиту колониальных обществ Восточной Африки. Они занимали в колониальных обществах достаточно высокое имущественное положение, повсеместно превратившись в местную эксплуататорскую прослойку. Следует подчеркнуть, что в ряде случаев именно определенная генетическая связь колониальных вождей с традиционными властями способствовала вызреванию отношений эксплуатации африканцев африканцами из отношений угнетения. При этом наблюдалось сочетание докапиталистических и капиталистических методов эксплуатации и, как правило, отсутствие чистых укладных форм.

Колониальные вожди обычно выступали сразу в нескольких социальных качествах: вождь мог одновременно, например, получать колониально-феодалную ренту и быть владельцем мелкого капиталистического предприятия или торговцем. Часто вожди и их дети имели первоочередной доступ к европейскому образованию, что давало им возможность занимать относительно высокооплачиваемые должности учителей, клерков и пр.

В связи с этим представляется, что социальную сущность корпуса колониальных вождей лучше всего можно было бы определить с помощью предлагаемой советскими учеными концепции неартикулированности классов в колониальных обществах и складывания в Тропической Африке макрокласса собственников и макрокласса коллективных работников, которые «предшествовали и в течение продолжительного срока замещали» формирование отдельных классов⁴⁸. В Восточной Африке колониальные вожди как раз и представляли собой (на первых порах почти исключительно) такой макрокласс собственников.

Таким образом, колониальные вожди — новые слои колониального общества, результат колониального синтеза. При этом они, как отмечают советские востоковеды, «не только сами выступали в качестве первых проявлений синтеза, но и были главными орудиями и стимуляторами в реализации процессов синтеза на других этапах общества»⁴⁹.

Их нельзя называть «традиционными вождями», ибо при всем разнообразии исходного материала, где собственно вожди составляли лишь незначительную долю традиционных властей, в ходе колониального синтеза произошла их нивелировка. Все колониальные вожди приобрели целый ряд новых по сравнению с традиционными властями социально-экономических и политических характеристик. Они стали не только важным инструментом колониального управления и эксплуатации, но и важным элементом складывания новой социально-классовой структуры колониальных и постколониальных обществ.

⁴⁷ Herzog J. Traditionelle Institutionen und nationale Befreiungsrevolution in Tanzania. В., 1975. S. 75, 78, 88.

⁴⁸ Развивающиеся страны в современном мире: единство и многообразие. М., 1983. С. 261.

⁴⁹ Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. С. 265.

В ходе колониального синтеза имела место некоторая преемственность колониальных вождей по отношению к традиционным властям. Но степень этой преемственности была различной, причем, видимо, здесь следует рассматривать отдельно преемственность институтов власти в контексте традиционной потестарно-политической культуры («традиционных блоков») и преемственность социальных слоев.

Для плодотворного анализа этих явлений требуется разработка типологии традиционных властей. В данной статье лишь поставлен ряд вопросов терминологии и типологии, но сама их постановка, как представляется автору, может способствовать дальнейшему исследованию проблематики, связанной с традиционными властями и колониальными вождями.